

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 1996 г., ЭО, № 4

Н. Л. Пушкарева

МИР ЧУВСТВ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ в XVIII СТОЛЕТИИ

Реконструировать мир чувств человека XVIII — начала XIX в., а тем более — женщины, — не так легко, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, это время, действительно, было во всей Европе «золотым веком частной жизни, веком приоритета индивидуальности»¹. С другой — это утверждение верно в большей степени в отношении мира мужчин, несмотря на то, что именно в XVIII в. в России появились первые «женские» дневники и мемуары, отразившие и особенности женского видения мира, и женский повседневный быт, и его оценку глазами представительниц образованной части общества. Даже сами женщины, оценивая впоследствии пройденный ими жизненный путь и переживания на этом пути, полагали, что «в те времена кратче разыгрывались роли на жизненной сцене. Не требовалось на то ни остроумия, ни измышлений или же каких анализов тех или других чувств...»².

Тем не менее, формирование «женского мира», начавшееся в конце XVII в., пошло в XVIII столетии быстрыми темпами. И главное — началось осознание его целостности, самостоятельности и отличности от мира «мужского». В этом немалую роль сыграла литература, взявшая на себя, как и искусство в целом³, роль практического руководителя в обучении «науке жизни».

В первой половине рассматриваемого времени (примерно до 60—70-х годов XVIII в.) большее значение в формировании отношения к женщине в обществе в целом и отношения самих женщин к себе и обществу имела литература официальная: церковно-дидактическая и светская, можно сказать, государственная печать (исторические сочинения). Художественная же литература, лишенная поучающей функции, лишь допускалась как «безвредная забава». Со второй же половины XVIII в. художественная литература, независимая от прямых поучений церкви и государства, стала рупором новых идей, противопоставив религиозно-символическому мышлению средневековья безусловный материализм мироощущения⁴. Любовная лирика (бывшая всего полстолетия назад чуть ли не под запретом — достаточно вспомнить положение придворного «пиита» Симеона Полоцкого) впервые за многие века перестала третировать любовь к женщине как греховное чувство. Благодаря новым литературным приемам и сюжетам в изобразительном искусстве в общественных умонастроениях появились новые, незнакомые прежде понятия сильных и возвышенных чувств, возбуждаемых женщиной, страстей отнюдь не платонических, рыцарского отношения к «прекрасному полу»⁵.

Интимная привязанность к женщине, интимный индивидуальный выбор («дрожь пробежала по жилам моим...»⁶) стали все чаще изображаться в литературе и являться действительной причиной желания вступить в брак и основой его впоследствии. «Какое побуждение было нашей любви? — риторически рассуждал один дворянин (описание судьбы которого оставил А. Н. Радищев), отвечая сам себе: — Взаимное услаждение, услаждение плоти и духа»⁷.

Женщины под пером безымянных авторов русских повестей XVIII в. стали изображаться не только и не столько как порочные соблазнительницы, но как объект поклонения, а к концу столетия и в начале XIX в. — и вовсе как вы-

разительницы прежде всего положительных идеалов (в то время как мужчина воплощал социально типичные недостатки)⁸. Начиная с петровского времени женские литературные образы становились все объемнее и глубже. Все чаще женщины рисовались побуждающими своих избранников — Василия Кариотского, купца Иоанна, «кавалера Александра» и других персонажей литературных произведений середины XVIII в. — забыть обо всем, кроме «сладкой тирании любви» (В. К. Тредиаковский), переживать ее как «жестокую горячку», говорить с возлюбленными, «встав на коленки»⁹. В. К. Тредиаковский, комментируя замысел написанного им сочинения «Взда в остров любви», отметил, что «отроки» находят «чувствительность и страсть», открывая «их для себя в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, каких очень мало в других местах»¹⁰.

И действительно, многие дворяне, оставившие воспоминания, отметили в них, что обратили внимание на своих будущих спутниц жизни оттого, что те были «милы», «хороши собой», «хорошенькие», «прелестной наружности»¹¹, а многие дворянки отмечали, что их семейная жизнь была освещена светом особой любви к ним их мужей¹². Переписка императора Петра I с государыней Екатериной Алексеевной дышит нежностью. Она далека от этикетных условностей. Достаточно красноречивы уже сами обращения Петра к жене: «Катеринушка!», «Друг мой!», «Друг мой сердешнишкой!» и даже «Лапушка»¹³. «Зело желаю вас видеть здесь, — признавался государь, «отписывая» супруге письмо из Амстердама. — Без вас скушнохонка, сама знаешь...»¹⁴. Новые воззрения на чувственную сторону любовных переживаний породили и новое отношение к домашнему быту и его удобствам, обеспечивающим интимность¹⁵.

В середине века дворянин С. Г. Винский писал, вспоминая о своей влюбленности в будущую жену и первых годах совместной жизни: «Я желал бы с нею быть, хотя непрестанно, ласкать и быть ласкаемому, делать ей все удобное, особенно удовлетворять ее нужды или прихоти...»¹⁶. Подобное признание (о готовности во имя любви исполнять «прихоти» избранницы, и не любовницы — жены!) немислимо найти в литературе или частной переписке XVII в. Между тем в конце XVIII, а тем более в начале XIX в. подобное отношение к супруге, которую муж «любил безумно», «обожал», «баловал, сколько мог», «любил страстно» — перестало быть исключительным: все эти глаголы взяты из мемуаров людей, живших в то время¹⁷. Женам стали посвящать романсы (как то делал и Г. Р. Державин, и внук Н. Б. Долгорукой — И. М. Долгорукий)¹⁸. Наконец, в начале XIX столетия мужья все чаще стали признаваться в своих воспоминаниях, что именно жены дали им возможность «вкусить истинное на земле счастье», а в письмах от мужей к женам нормой стала романтизированная нежность: «Целую твои ножки, моя благодетельница,.. целую тебя сердцем, полным твоими добродетелями...»¹⁹.

Восхищение женщиной, ее красотой и обаянием тесно сплеталось с надеждой на семью. И если вопрос о «нежнейших чувствованиях» к будущей супруге, об интимном влечении к избраннице почти не возникал в непривилегированных сословиях, то рациональные соображения, связанные со способностью женщины к деторождению, были равно понятны и близки и дворянину²⁰, и крестьянину. Краски нормальной, здоровой чувственности проступают в письмах страстно влюбленного в жену Петра I (Екатерина долгое время не считалась официально признанной женой царя-реформатора, но давно была матерью нескольких его детей). В «эпистолиях» к Екатерине Петр, признаваясь в любви к ней, расспрашивал и размышлял, главным образом, о детях²¹. Способность женщины к деторождению волновала отцов, назидавших сыновьям, что жениться надобно на «здоровых» («первое указание — умножить род свой», полагал В. Н. Татищев)²². Ту же мысль А. В. Суворов облек в форму афоризма: «Меня родил отец и я должен родить. Богу не угодно, что не множатся люди»²³. Мемуаристы, которым довелось в течение долгой жизни быть женатыми не один раз, с равной теплотой вспоминали всех своих жен, в том числе умерших²⁴.

Что касается крестьян, то у них тем более при выборе невесты обращалось внимание на те внешние характеристики девушки, которые могли бы свидетель-

ствовать, что она сможет родить здоровое потомство («Муж любит жену здоровую, а брат сестру — богатую», «На что корова — была бы жена здорова»²⁵). В сговорных и иных брачных документах середины XIX в. отразились традиционные крестьянские представления о здоровой невесте: ее высокий рост («есть, на что посмотреть»²⁶), дородность (ассоциировавшаяся с красотой: «большая да толстая»), чистота (белизна, здоровость) кожи («кровь с молоком»)²⁷, подвижность²⁸. По словам других корреспондентов Русского Географического общества (РГО) даже «нравственные качества» ценились в невесте все же после (!) таких характеристик как здоровье (сила), способность к работе и приданое²⁹.

Таким образом, отнюдь не только эмоционально-сентиментальные мотивы занимали в ту эпоху мечтавших вступить в брак. Это утверждение в равной степени верно и в отношении крестьянского мира, и в отношении «благородного сословия». Многие (если не большинство) образованных дворян XVIII в., сердце которых «было уже рождено с нежнейшими чувствованиями» (А. Т. Болотов), с легкостью жертвовали ими при трезвых подсчетах доходов будущей жены. «Нежные чувствования», воспитанные русскими и переводными романами и пребыванием в Европе, были не настолько глубоки, чтобы предпочесть любовь к бесприданнице браку с богатой вдовой³⁰. Старший современник А. Т. Болотова В. Н. Татищев поучал сына: «Главнейшее в жене — доброе состояние, разум и здравие»³¹. В этих словах чувствовался весьма прагматический подход к делам брачным. Оправдывая свой рациональный выбор, дворянин М. В. Данилов резонерствовал: «Красавиц выбирают только в полюбовниц, а жена должна быть добродетельна»³².

Оправдать надежды, таким образом, могла лишь та претендентка на звание составившей семейное счастье, которая могла стать не только «отличной матерью» и «доброй женою», но и «поистине добродетельной женщиной» (этот перечень характеристик и, обычно, именно в такой последовательности, встречается и в «женских» мемуарах)³³. Идеал «добродетельной» жены вполне вырисовывается по дворянским дневникам, письмам и мемуарам. Это — женщина из семьи среднего достатка и средней красоты. На красивую жену, если верить тому же М. В. Данилову, стали бы заглядываться другие, а от безобразной и сам муж сбежал бы к «лепшей». Родители учили детей находить таких жен, с которыми можно «в веселии век свой провести», а для того искать в женах «доброе свойство» — источник «немалой пользы».

Старый идеал «тихой, кроткой» и к тому же (желательно) «недурной собою»³⁴ жены-полурабыни стал стремительно вытесняться на протяжении XVIII столетия новым. Лишь по-доброму консервативная народная мудрость уповала на существование идеальных жен — ангелов во плоти³⁵. Дворяне же все чаще стали искать в женах не столько подчинения³⁶, сколько умения понять и проникнуться их помыслами, поддержать советом в трудную минуту — то есть быть другом. «Главнейшее мое желание состояло в том, — признавался Андрей Болотов, — чтобы через женитьбу нажить себе такого товарища, с которым мог бы я разделять все свои душевные чувствования, радости и утехи, заботы и попечения...». Его современник Г. Р. Державин, описывая свою женитьбу, подчеркивал, что посватался к «девушке не без ума и не без ловкости, приятной в обращении», но главное — понравившейся ему «по здравому рассуждению»³⁷. Впоследствии друзья семьи Державиных вспоминали, что супруга поэта «с живейшим участием принимала к сердцу все, что ни относилось до его благосостояния: авторская слава его, успехи, неудовольствия по службе были будто ее собственные...»³⁸.

Вторая жена Г. Р. Державина — Д. А. Дьякова — отличалась от первой тем, что ее «появление уже издала выводило ленивых из бездействия»: ее супруг, по его собственному признанию, «хозяйством не занимался», так что вопрос о материальном благосостоянии семьи целиком зависел от ее умений и деловой хватки³⁹. Практичность женщины, ее умение и желание хозяйствовать нередко оказывалось фактором, привлекавшим к ней мужчин, искавших в женах опору в делах «домашней экономики»⁴⁰. Именно таким — «лучшим советником по

кабинетским занятиям», «достойною подругою», «душою вечерних бесед в кругу друзей и знакомцев», и в то же время умницей, умеющей «облегчить мужа во всех заботах по хозяйству», стала для старшего современника Г. Р. Державина — поэта М. М. Хераскова, его жена Елизавета Васильевна⁴¹. О ней буквально все знакомые их семьи вспоминали как о необычайно доброй, умной, любезной⁴², ласковой⁴³; супруг же ценил в ней еще и рачительность. В крестьянской среде хозяйственные навыки невесты, способность к работе стояли — наряду со здоровьем — на первом месте⁴⁴.

По-новому в связи с изменившимся отношением к роли жены в браке смотрели подчас российские дворяне XVIII — начала XIX в. и в соотношении жизненных ценностей. «Еще в стенах кадетского корпуса, ... не мечтал я ни о славе, ни о богатстве, ни о почестях, — признавался на страницах воспоминаний С. Н. Глинка, — а мечтал просто о жизни семейной, ... мечтал о подруге и в мыслях говорил и себе и ей: пускай и свет забудет нас, я тем благополучней буду...»⁴⁵.

Значили ли подобные признания российских помещиков, что наступили «новые времена» и, следовательно, дело шло к признанию равенства значимости супругов в семье? Анализ мемуаров подсказывает отрицательный ответ. Сравнивая свою семейную жизнь со взаимоотношениями супругов «в старомодных сельских (т. е. крестьянских — Н. П.) семьях», мемуаристы XVIII в. порой замечали, что в крестьянском сословии власть мужа над женой бывает даже излишней, а в дворянском соразмерность власти мужей и подчинения жен порой утеряна⁴⁶. И не случайно, что в абсолютном большинстве мемуаров мужчин имена их жен упоминаются редко: чаще лишь в связи с сообщением о женитьбе. Защитников женщин было в России в ту эпоху гораздо меньше, нежели приверженцев старого быта. Всякий новый шаг к большей свободе женщин в семье и обществе рассматривался как «повреждение нравов». Эта идеология укреплялась отчасти и светской литературой. «Уничтожая подчинение жены, уничтожается и сожигает мирное и приятное», — писал историк И. Т. Болтин, оценивая семейные «модели» столичной знати и по-своему откликаясь на галантно-романтические веяния нового времени. «Хотеть сделать мужа и жену равными — есть противоборствие порядку и природе, есть буйство, безличие, безобразие». Рассуждая о современных ему домашних нравах, И. Т. Болтин призывал, тем не менее, что в некоторых редких семьях (причем семьях благородных) «жена равна мужу, ... ему товарищ». Однако в большинстве домов столичного дворянства он видел одну и ту же картину: «Жена мужу не подвластна, не подчинена, живет по своей воле», она — «владычица, начальница, а муж не что иное как первейший из ее рабов». Отвратительное новшество, по его мнению, не дошло лишь до провинциальных дворян, купцов и мецан (не говоря уже о крестьянах), в среде которых, как он думал, «еще несколько умеренности хранится»⁴⁷.

Консервации старых взглядов на распределение семейных ролей и на отношение к женщине способствовали «народные картинки», лубки с сюжетами о злых и добрых женах. Общий смысл их мало различался со старыми представлениями о месте женщины в семье и обществе. Находиться под каблуком у жены, доказывали лубки, равно позорно и царю, и простолюдину. Правда, злые жены на лубках XVIII в. стали изображаться как презревшие народные обычаи разряженные дамы в платье иноземного образца («модном») ⁴⁸, бессовестно командующие мужьями. Последние для пущей наглядности рисовались опутанными цепями (символ рабства). Нередко в углу таких лубков можно было заметить фигурку зайца (символ трусости, подобострастия — в данном случае мужа перед женой) ⁴⁹. «Настроение» в доме злой жены изображалось, как правило, как беспорядок в посуде и вещах; как пьянство мужа, заливающего горе водкой и льющего слезы. Наконец, безнравственность поведения непокорной супруги демонстрировали фривольные шутки по поводу ее неверности и любовных походов ⁵⁰.

Не возникает никакого сомнения в том, что и авторами подписей, и художниками, работавшими над изобразительным рядом лубочных картинок, были мужчины. «Народные картинки» отобразили, таким образом, типично мужской

взгляд на проблему места и роли женщины в семье и обществе, существовавший в XVIII — начале XIX в.

Как относились к подобным высказываниям мужчин сами женщины? Стремилась ли они доказать свою «самость» — по крайней мере в отношениях с мужьями? Были ли для них, в том числе женщин-дворянок, оставивших документы личного происхождения (дневники, мемуары, переписку), характерны такие же мотивы вступления в брак, что и для мужчин? Могли ли они в перспективе улучшить — через замужество — свое материальное положение, повысить социальный статус? Насколько они сами были поглощены «нежнейшими чувствованиями»?

Мотивация, стремления, эмоциональный строй молодых и юных российских дворянок XVIII — начала XIX в., отразившиеся в их письмах, дневниках, мемуарах, не дают однозначного ответа на поставленные вопросы. Читая строки воспоминаний, написанных женщинами, редко можно найти признания в том, что они были безразличны к вопросу о замужестве, не любили мужей, не были, по крайней мере, к ним привязаны⁵¹. Выше уже говорилось, что далеко не все невесты-дворянки имели возможность хорошо узнать будущего супруга до свадьбы. В то же время после нее большинство из них считало для себя необходимым (хотя бы в силу традиции) жить по любви, быть рядом с мужьями, какие бы невзгоды не встречались на их жизненном пути.

Принципиальный пример проявления чувства долга в браке явила княгиня Н. Б. Долгорукова. Решимость разделить судьбу, выпавшую на долю мужей, проявили в том же столетии графиня Е. И. Головкина⁵², Е. Е. Комаровская⁵³, Наталья Лопухина (жена С. В. Лопухина, обвиненного в 1743 г. в государственной измене и сосланного в Сибирь)⁵⁴, первая жена Н. В. Басаргина (ставшего впоследствии декабристом)⁵⁵, а также безымянная героиня одной из глав «Путешествия...» А. Н. Радищева⁵⁶ и др. В этой самоотверженности была и дань традиции, и собственные нравственные побуждения. Общественное мнение виделось в подобном поведении не столько знак любви, сколько «обременность своею обязанностью, своею привязанностью к мужу» жертвовать собой во имя долга⁵⁷.

Многие девушки, выйдя замуж совсем юными, находили в более старших по возрасту мужьях наставника и руководителя. «ангела-хранителя»⁵⁸ и именно так воспринимали своих благоверных. «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем», — признавалась на страницах своих «своеручных записок» Наталья Долгорукова⁵⁹. Именно так рассматривала своего первого супруга, известного собирателя русского фольклора В. И. Киреевского, юная А. П. Елагина (она вышла замуж 15-ти лет, а в 24 осталась вдовой)⁶⁰. Любя своих нареченных перед Богом и перед людьми или будучи к ним только привязанными, русские дворянки ожидали от своих супругов проявления положительных житейских и высоких нравственных качеств, ценили их⁶¹. «Матушка много о нем (муже — Н. П.) говорила с восторженной любовью. По ее рассказам, он был высокаго ума, покровитель всего хорошего, отец своих подданных и отличный хозяин», — вспоминала характеристику, которую ее мать адресовала отцу, княгиня С. В. Мещерская⁶². Таким образом, стремление находиться рядом с умным, честным, внимательным человеком, на которого можно было рассчитывать как на покровителя, желание оказаться под чьим-то руководством, защитой были для части молодых барышень мотивами вступления в брак.

Постепенно признавая «особенность» мира женских чувств, мемуаристы-мужчины все чаще пытались сравнить собственную оценку того или иного явления и отношение к нему их возлюбленных, подруг, жен⁶³. М. М. Щербатов с удивлением отметил, что женщины могут не только возбуждать сильные эмоции, но и испытывать сами, причем более тонко и остро, нежели мужчины⁶⁴. В стихах и письмах поэта М. Н. Муравьева впервые прозвучала мысль о том, что женская натура может быть сложнее и глубже мужской в эмоциональном смысле, что женщина может быть «счастлива сердцем» не так, как мужчина, «отвлеченный своим правом и должностями»⁶⁵. Писатели стремились отметить «взаимность

горячности, услаждавшей чувства и душу», равным образом нежившую и их самих, и их избранниц⁶⁶.

Но сами женщины на страницах своих писем, дневников, мемуаров редко признавались в том, как они любили своих супругов, а в признаниях — если таковые случались — более звучала тема необходимости, нежели всепобеждающего чувства («Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра — другого. В нынешний век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна»)⁶⁷. Примечательно, что мужчины — по крайней мере на страницах, не предназначенных для обнародования, — стали чуть ли не первыми (вслед за романтическими литературными образцами) признаваться в «нежном» отношении к своим женам⁶⁸ (этого требовали и нормы этикетного поведения дворянина того времени⁶⁹). Женщины же демонстрировали скованность, «самоограничение» (что порой чувствовали сами их мужья⁷⁰), самоуглубленность — порой она видна на живописных полотнах⁷¹. И тем самым они являли собственную зависимость: отчасти от условностей, отчасти — от религиозно-нравственных постулатов и веками выработанных традиций. Именно традиция вкупе с моральными нормами православия требовала от женщины такой любви, при которой бы супруг был «один в сердце» и не могла возникнуть любовь новая. Те же нравственные нормы формировали такие общественные унастроения, при которых от женщины ожидалось самопожертвование, готовность быть духовной опорой мужчине, «подкреплять» его (Н. Б. Долгорукая)⁷².

Воспитание сдержанности, умения не поддаваться эмоциям, а тем более страсти, — по-прежнему во многом определяло содержание женского воспитания. «Публичная искренность этого времени» (по выражению Н. М. Карамзина)⁷³ претела женской душе, более утонченной, нежели мужская. Отношение к чувственной любви как к «любви скотской», «мерзости» (как выразилась А. Е. Лабзина)⁷⁴ было следствием многовекового внедрения деятелями православной церкви негативного отношения ко всем неплатоническим отношениям. Мужья, к тому же более старшие, как правило, по возрасту, — по воспоминаниям их жен — выступали их «просветителями» в делах чувственных («Выкинь из головы предрассудки глупые, которые тебе вкоренены глупыми твоими наставниками. Нет греха в том, чтоб в жизни веселиться! Я тебя уверяю, что ты называешь грехом то, что только есть наслаждение натуральное!»)⁷⁵.

Но еще в начале XIX в. в дворянской среде встречались семьи, в которых жена — руководимая моральными соображениями, то есть будучи «прюдка», как писала мемуаристка (от pruderie — стыд, франц.) — «спавши на одной кровати с мужем, укрывалась отдельно от него простынею и одеялом»⁷⁶. Правда, именно в дворянских семьях конца XVIII — начала XIX в. совместное спанье мужа и жены на одной кровати стало считаться «глупой старой модой» (как говорил А. Н. Радищев)⁷⁷. Для немногих столичных дам стремление к созданию собственных (отдельных от мужей) спален диктовалось — по словам того же Радищева — «стремлением к украденным утехам» с «полюбовниками». Но для значительного числа дворянок отдельные постели мужа и жены стали символизировать целомудрие, благочестие⁷⁸. В крестьянской среде осуществление подобной модели поведения было невозможно ни с практической, ни с моральной стороны. Но именно осознание собственного негативного отношения к физиологической стороне супружества лежало в основе того, что многие дворянки ощущали непреодолимый нравственный барьер, мешавший поверять бумаге искренние и естественные чувства. А ведь именно они должны были быть (и порой, вероятно, и были) причиной и основой брака.

Примечательно, что многие дворянки, ведя переписку с отсутствующими мужьями, надеялись на получение от последних не столько объективной информации о положении дел, сколько «добрых ведомостей», успокаивающих слов. Не все, вероятно, могли взять на себя психологическую ношу и разделять все беды своих избранников. «А что пишете, чтоб к вам всегда добрыя ведомости писать, и

то я от сердца рад, да какие Бог даст», — оправдывался в одной из таких ситуаций перед супругой император Петр I ⁷⁹.

Но было бы, разумеется, наивным полагать, что переживания, далекие от платонических, не возникали в сердцах россиянок. Другой вопрос, что они лишь косвенно отразились в дошедших до нас эпистолярных и мемуарных источниках. Мемуаристки XVIII в. предпочитали писать не о пережитом на собственном опыте, а о чужих влюбленностях и страстях, и лишь в дневниках и письмах 10-х годов XIX в. степень женской откровенности несколько возросла. Да и мужчины, оставившие мемуары, старались больше фиксировать переживания своих знакомых и родственниц, нежели пускать чужих в свой собственный внутренний мир. Г. С. Винский рассказывал о том, как его сестра, испытав внезапно вспыхнувшую любовь, поступила «как истинная своевольница, чуждая не только нежных ощущений сердца (жалости к супругу — *Н. П.*), но даже не повинующаяся и пристойности». Он внутренне осуждал ее за это, равно как за ее житейскую ловкость (она сумела «загнать своего бедного мужа в Чернигов судействовать», а сама, по выражению брата, «закусила удила») ⁸⁰. Оттенок осуждения звучал и в описанной графиней Эдлинг истории взаимоотношений М. А. Нарышкиной и князя Гагарина ⁸¹, и в рассказе В. Н. Головиной о графине Радзивилл, которая «пренебрегала всеми приличиями по желанию и по влечению» ⁸².

Мир чувств русской женщины привилегированного сословия формировали в XVIII столетии не только традиции и литература, но и образ жизни императорского двора — суматошный, беспорядочный — породивший особый социальный тип «модной жены» ⁸³. Судя по мемуарам лиц, приближенных к российскому императорам, «модные жены» (мужья которых, «как страусы, воспитывали чужих детей» ⁸⁴) были окружены роем обожателей. Содержание любовниц тоже стало нормой великосветской жизни ⁸⁵. Но как ни возмущались резонеры вроде М. М. Щербатова подобным «повреждением нравов», эти изменения в области общественной морали имели не только отрицательные последствия. Светские львицы, решавшиеся на нестандартное поведение и насмехавшиеся (по словам М. М. Щербатова) «над святостью закона, и моральными правилами и благопристойностью» ⁸⁶, — своим поведением изменяли представления о запрещенном и разрешенном, «раскрепощали» область чувств, в том числе супружеских.

Достаточно даже поверхностного чтения истории, чтобы найти массу примеров исключительной супружеской любви ⁸⁷. Романтическую, захватывающую историю знакомства и брака своих родителей поведала, например, Б. Я. Березина, мать которой «переодевшись в мужское платье, под видом денщика, следовала за полком», в котором служил ее муж. Не допуская и мысли о расставании с любимым супругом хоть на день, она «произвела» дочь «на свет в кругу воинов в 1794 г.» ⁸⁸.

В документах частной переписки XVIII — начала XIX в. обычным было обращение жен к мужьям без подобострастия, но с любовью, дружественностью, нежностью («Дрожайшее сокровище мое!» или «Милый мой друг!», «Премного милый мой друг!», «Дружечик мой сердешненькой!», «Радость моя!», «Мой свет!» ⁸⁹). В то же время есть основания думать, что все эти нежности были элементом ожидаемого от женщин (общепринятого, этикетного) поведения, отчасти выработанного «Письмовниками» ⁹⁰, но в немалой мере они отражали реальные чувства ⁹¹.

Помимо любви, привязанности и чувства долга, многих женщин рассматриваемого времени — как и мужчин! — привлекала в замужестве возможность сохранить или повысить свой социальный статус и имущественное положение. Только признания в этом в отличие от «мужских» мемуаров у женщин были сравнительно редки. Лишь в воспоминаниях графини В. Н. Головиной прямо сказано о том, что в будущем спутнике жизни «его высокое происхождение и богатство заставили смотреть на него как на завидного жениха» ⁹². Иные современницы графини, вероятно, также рационально учитывали этот фактор, но не спешили поделиться подобными переживаниями.

Что же касается «простых людей», то они не читали переводных романов, не пользовались «плодами просвещения» и не оставили «своеручных записок», в которых бы поверяли бумаге свои помыслы и чувства. Письма крестьян и крестьянок друг к другу — сравнительно редкая находка⁹³. Но как бы ни было трудно судить о духовном мире тех, кто с утра и до вечера работал в поле, на огороде, на промыслах, тем не менее, реконструкция их системы жизненных ценностей и приоритетов возможна на основании фольклорных памятников, а также некоторых делопроизводственных и упомянутых выше эпистолярных источников.

В крестьянских умонастроениях, значительно сильнее, чем в менталитете дворянства, проявлялось отношение к браку (замужеству в особенности) как к неизбежности («суженого на коне не объедешь»), как к ответственному действию («замуж выходи — в оба гляди»), изменить которое практически невозможно («женитьба есть — а разженитьбы нет», «подруги косу плетут на часок, а сваха на век», «выйти замуж не напасть, каб за мужем не пропасть»)⁹⁴. Поэтому и к чувствам отношение у крестьянок было иное.

«Согласная жизнь... зависима от согласия самой пары и ласковости свекрови» — отмечали наблюдатели русского крестьянского быта центра России в середине XIX в., добавляя при этом, что «согласие самой пары возможно только при безусловном подчинении жены мужу»⁹⁵. В большинстве случаев так оно и было. Тем интереснее и значительнее факты, свидетельствующие о чувствах глубокой и нежной привязанности между членами семьи: супругами, родителями и детьми, старшими и младшими. Ведь именно они отчасти смягчали и облагораживали, а порой — эмоционально окрашивали монотонный, нелегкий повседневный быт. Такие примеры сохранили и пословицы («Полюбится — ум отступится», «Как полюбит девка свата — никому не виновата», «Не мать велела — сама захотела»)⁹⁶.

Подлинным открытием для русских дворян XVIII в. была высказанная А. Н. Радищевым мысль о том, что крестьяне одарены такими же чувствами, как прочие люди. «Ты меня восхищаешь! Ты уж любить умеешь?!» — удивленно воскликнул он, приведя рассказ одной из крестьянок о ее страсти⁹⁷. Судебно-следственные документы XVIII в. позволяют подтвердить заключение писателя: вопрос о чувствах был весьма остр в крестьянских семьях, ранее ориентировавшихся на поговорку «стерпится — слюбится». В «распросных речах» по поводу различных драм на семейно-бытовой почве крестьянки нередко признавались в глубоких переживаниях, заставивших их пойти на преступление моральных норм и закона: «любила», «всегда думала о нем», «радоватца желала», «духом моим с ним была»⁹⁸.

Редкие находки писем образованных крестьян того времени (как правило, сибирских) позволяют восстановить психологический микроклимат их семей, полный ласки, а не грубости, любви и согласия, а не ссор. «Премноголюбезной и предражайшей моей сожительнице, чести нашей хранительнице, здравия нашего покровительнице, общей нашей угоднице и дома нашего всечестнейшей правительнице Анне Васильевне посылаю поклон и слезное челобитие с чистосердечным к вам почтением...» Так писал в своем письме богатый сибирский крестьянин Иван Худяков к жене, жившей в Семипалатинском уезде (1797 г.)⁹⁹. Жены отвечали отсутствующим супругам той же добротой и нежностью, признавались, что живут в разлуке с «любезными друзьями» и «прятателями сердешными» — «в невсчасти»¹⁰⁰. В своих письмах крестьяне, не знакомые с этикетными формулами письмовников, фиксировали действительные чувства, говорили, что — «нестерпя необыкновенной тоски в разлуке» с женами — помышляли только о них¹⁰¹, делились переполняющей их сердца нежностью: «Истопи мне, жена, баню и выпарь меня, малого робенка, у себя на коленях,.. такова болшова толстова робенка»¹⁰². Эти чувства помогали жить: без взаимной доброты и привязанности, которую и женщины испытывали к своим мужьям, повседневность, наполненная тяжелым крестьянским трудом, была бы еще более нелегкой.

Разумеется, в разных семьях отношения между женами и мужьями складывались различным образом. Это утверждение верно для всех сословий тогдашнего

русского общества, в том числе «благородного». Иной вопрос, насколько велика была вероятность фиксации различных семейных конфликтов в документах (если, конечно, это были не судебные иски). В памятниках личного происхождения (в том числе письмах) описаний семейных конфликтов почти нет. Традиция «не выносить сора из избы» действовала сильнее формальных запретов¹⁰³. Поэтому даже в воспоминаниях тех женщин, которые жили не в ладах со своими мужьями, редко можно найти конкретные указания на обстоятельства и мотивацию конфликтов. «Прасковья Ивановна постановила неизменным правилом не допускать до себя никаких рассуждений о своем муже», — отмечал об одной своей родственнице С. Т. Аксаков, объясняя ее скрытность в отношении жестокостей мужа¹⁰⁴. В мемуарах самих женщин подобных объяснений не найти. Даже выросшие дети, вспоминая о раздорах между их родителями, подчас не могли определить их причины. «Мы часто плакали от неприятностей, происходивших между родителями... Кто из них был прав, кто виноват — в нашу юность определить не хватало разума», — вспоминал Н. И. Цылов, описывая свои детские впечатления начала 10-х годов XIX в. (ниже он предположил, что причиной ссор и последовавшего разрыва родителей была ревность матери к отцу, который «по красоте своей и силе очень нравился женскому полу»)¹⁰⁵.

Ревность как естественное чувство, как оборотная сторона страсти, вызываемой женщиной, все чаще становилась предметом размышлений современников, по большей части писателей. Ревнивые переживания, зафиксированные перепиской высших особ царского семейства¹⁰⁶, не были чужды и другим сословиям. Англичанка М. Вильмот, проживавшая в доме княгини Е. Р. Дашковой, испытала буквально шок, когда на нее налетела «в невероятном исступлении женщина (по одежде — крепостная), яростно сжимаая кулаки, как бы собираясь драться»: крепостной почудилось, что ее муж (тоже крепостной!) равнодушен к заезжей гостье, и потому действовала в забытьи, будучи «возбуждена ревностью»¹⁰⁷. «О ревность, ревность, порок несчастный! — восклицал Н. И. Цылов, ребенком пострадавший от сцен ревности (он называл их «диспотами»), которые его мать устраивала отцу. — Люди женатые, будьте снисходительны друг к другу! Вы делаетесь причиной разрушения семейного счастья и гибели детей ваших»¹⁰⁸. Купец Н. Вишняков, размышляя над отношениями своих родителей и называя ревность «неразлучной спутницей» любви, «отравившей» однако жизнь его матери, полагал, что ревность — «плод житейских разочарований, подозрительности и недоверчивости к людям», которые в его отце воспитала торговая профессия¹⁰⁹.

Информацию о мотивации межсупружеских конфликтов современный исследователь может (да и то с трудом) получить лишь косвенно — из описаний женщинами семейной жизни своих соседей, подруг или родственниц. «...В доме она делала все, что хотела, — вспоминала, например, о жене соседа по имению, Д. П. Троцкинского, С. В. Скалон. — Будучи обворожительной кокеткой, она в то же время до того измучила своего мужа ревностью, что, наконец, они совсем рассорились и князь, несмотря на любовь тестя и двух детей, должен был расстаться с ними и уехать из дому навсегда»¹¹⁰. О «несходстве характеров» и психологической непереносимости супругами друг друга как причинах раздоров и ссор в семье упоминали многие мемуаристы¹¹¹.

Вряд ли семейные конфликты — если они возникали — разрешались в то время одной только силой убеждения. Об этом свидетельствуют дела, разбиравшиеся Сенатом и особенно Синодом, в первую очередь бракоразводные. Так, в 1731 г. жена бригадира Дмитрия Порецкого обратилась с жалобами на мужа, который, по ее словам, бил ее, оставлял без пищи, не допускал духовника¹¹². Другая «бригадирша», Мария Потемкина, жаловалась четверть века спустя, что муж бьет ее, «нимало не смотря» на возраст — 70 лет и просила поскорее развести¹¹³. Однако оба дела оставили без внимания. В одном из дел середины XVIII в. истицей была княгиня, которую — от побоев и жестокого обращения

мужа — пытался защитить ее брат¹¹⁴. И вновь никакого решения принято не было. В 1741 г. некая Федосья Саламанова, жена поручика морского флота, пожаловалась в Синод на то, что муж ее бил, а затем выгнал из дома. Синод вынес несколько странное решение: разлучить и осудить на безбрачие супруга, если не пожелают помириться¹¹⁵.

В воспоминаниях С. В. Скалон, повествующих о провинциальном российском быте конца XVIII в., упомянута семья ее дяди, Н. В. Скалона, который, по словам мемуаристки, «был большим деспотом». Описывая часто виденные ею «случаи жестокого обращения» дяди с его женою, она с ужасом отмечала: «За малейший беспорядок в доме, за дурно изготовленное блюдо, он не только бранил ее самыми гнусными словами, но иногда... бил в присутствии всех». Резюмируя последствия подобного недостойного поведения дяди, С. В. Скалон писала, что жестокость мужа по отношению к жене родила неуважение к ней их детей, в том числе дочек, которые «впоследствии наносили ей страшные оскорбления»¹¹⁶. О битье жен в семьях представителей «благородного сословия» и другие мемуаристы¹¹⁷. Ослушание жены мужу в доме Аксаковых, например, обернулось тем, что «у бабушки не стало косы, и она целый год ходила с пластырем на голове»¹¹⁸.

Но в целом «благородные» предпочитали худо-бедно следовать Уставу Благочиния, принятому в 1782 г. Он призывал, в частности, учитывать нормы, постулированные еще Новым заветом. «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, — говорилось, в частности, в Уставе. Уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляя ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина». От жены же ожидалось иное — покорность, терпение, пребывание «в любви, почтении и послушании к своему мужу...»¹¹⁹. В отличие от «благородных», на жалобы крестьянок с требованием образумить избивавших их мужей местные власти не реагировали. Информаторы РГО сообщали в середине XIX в., что деревенские смотрели на расправу как на обыкновенное явление: «Свой муж, что хочет — то и воротит»¹²⁰, «Сколочена посуда два века живет»¹²¹. Но дело принимало иной оборот, если в качестве истицы в суде выступала не сама избитая, а ее мать: зятья в семьях должны были быть «у тестя и тещи в полном повиновении и послушании»¹²², и когда тещи замечали высокую конфликтность молодых семей, да еще усугубленную побоями их дочерей, — то весьма успешно добивались наказания зятьев (от 15 до 20 розог)¹²³. Не случайно бытовала среди крестьян поговорка: «Был у тещи — да рад, утекши!»¹²⁴.

Среди «простецов», малообразованных мешан, купцов ситуации семейных конфликтов были более многочисленны, а сами они более жестоки. «Женский быт — всегда он бит!» — резюмировала пословица¹²⁵. «Жены давились, топились и резались от жестокостей мужей, — негодовал протоиерей Д. Великов, описавший крестьянский семейный быт XVII—XVIII столетий. — Не менее свирепо поступали с мужьями и женщины...»¹²⁶. Практически во всех делах о семейных конфликтах в непривилегированных сословиях фигурировала плеть (которой крестьянин «наказывал недужевредно»), а зачастую и нож; часты упоминания о том, что в разгар ссоры муж таскал жену за волосы, топтал ногами¹²⁷. Женщины отвечали на насилие, как могли: подавали прошения о разводе, решались на убийства и самоубийства, а чаще отвечали на побои тем же. На Иртыше в середине XIX в. была записана поговорка: «Жена мужа бьет — не на худо учит»¹²⁸; в центре России бытовали схожие: «Жена мужа бьет — под свой норов ведет», «Бранит жена мужа, а бить его не мужа»¹²⁹. И все же грубый и откровенный произвол во внутрисемейных отношениях крестьян был не нормой, а исключением, а в «мире чувств» русской крестьянки преобладали не злоба и ненависть, а мир и лад.

Огромную роль в укреплении и одухотворении семьи — как дворянской, купеческой, так и крестьянской — играли дети. «На бездетных смотрят с сожалением», — констатировал корреспондент РГО в середине XIX в.¹³⁰, фиксируя и свое собственное отношение к предмету, и воззрения на него русского общества в целом.

Примечания

- ¹ A History of Private Life. Т. IV. L., 1990. P. 97—99.
- ² *Сабаньева Л. А.* Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770—1838 гг. СПб., 1914. С. 28.
- ³ См. подробнее: *Брук Я. В.* У истоков русского жанра. XVIII век. М., 1990. С. 13.
- ⁴ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре XVIII — первой половины XIX в. СПб., 1994. С. 49.
- ⁵ Стремительное развитие портретной живописи в XVIII в. способствовало эволюции «языка чувств», открыв изумленному взору современников изменчивую жизнь человеческого сердца, приучая к любезности и «учтивству» обхождения с женщиной и в то же время насаждая этикетные правила, непреступаемость норм благопристойности при изъявлении душевных движений, — правил, приобретающих образованных и «культурных» столичных дворян к утонченной культуре европейского салона. См. подробнее: *Брук Я. В.* Указ. раб. С. 50; *Жидков Г. В.* Русское искусство XVIII века. Архитектура, скульптура, живопись. М., 1951.
- ⁶ *Цылов Н. И.* Описание жизни Н. И. Цылова // Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 78.
- ⁷ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Репринт изд. 1858 г. М., 1983. С. 187.
- ⁸ Там же. С. 65.
- ⁹ Правда, чувства героев русских повестей того времени — дворян, матросов, купцов и т. д. — были обращены только к иноземкам: в повестях не было ни одной истинно русской героини. См.: Русские повести первой трети XVIII в. / Исследования и подготовка текста Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 101—105; 196—197; 217—220, 303 и др.
- ¹⁰ В. К. Тредиаковский — И. Д. Шумахеру. 18 января 1731 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 46.
- ¹¹ Записки Федора Пантелеймоновича Печерина 1737—1816 гг. // Русская старина. Год 22-й. 1891. № 12. С. 602; *Цылов Н. И.* Указ. раб. С. 78; *Назимова М. Г.* Бабушка графиня М. Г. Разумовская // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 3. С. 844.
- ¹² «Любовь юной моей подруги осветляла все мгновения и каждый шаг бытия моего...» (*Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 247).
- ¹³ Письма Петра I государыне Екатерине Алексеевне // Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. I—II. (далее — ПРГ). Переписка императора Петра I с государыней Екатериной Алексеевной. М., 1861. № 20 (14 июня 1710 г.). С. 14; № 62 (29 янв. 1716 г.). С. 42. Обращение «Лапушка» было принято в семье Петра I, во всяком случае царица Евдокия Федоровна — первая жена Петра и мать царевича Алексея — не раз к Петру так обращалась (См.: ПРГ. Т. III—IV. М., 1862. С. 67).
- ¹⁴ Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. № 84. С. 59.
- ¹⁵ Петр, требуя все приготовить в своем возвращении, просил жену, «чтоб не богаты были постели, да чистеньки...» (Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. № 102. С. 73).
- ¹⁶ *Винский Г. С.* Мое время. СПб., 1914. С. 65.
- ¹⁷ «Эта мысль заставила... его (дедушку мемуаристки. — Н. П.) еще сильнее привязаться к любимой женщине и окружить ее таким утонченным вниманием, от которого бабушка чувствовала себя вполне счастливой» (*Назимова М. Г.* Указ. раб. С. 846); аналогичные свидетельства можно найти и в воспоминаниях Л. А. Ростопчиной (*Ростопчина Л. А.* Правда о моей бабушке. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1904. Т. 95. № 1. С. 54). «Отец мой страстно любил жену, иначе не называл ее как „друг мой Катенька“, баловал, сколько мог...» (*Николева М. С.* Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 117, 143). См. также: *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о его семействе. Записки дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 403; *Эдлинг Р. С.* Из записок графини Эдлинг // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 2. С. 199, 213 и др.
- ¹⁸ «Все душевные восхищенья, все внимание друзей, ласки нежной услажденья / находил в жене моей. / Она рай мне создала / безподобный при себе, / цену жизни придавала / и красу моей судьбе...» (*Долгорукий И. М.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1849. С. 15).
- ¹⁹ *Басиргин Н. В.* Записки. Пг., 1917. С. 34.
- ²⁰ «Рождение ваше (детей. — Н. П.) было новый и чувствительный союз, утверждающий союз сердец» (*Радищев А. Н.* Указ. раб. С. 187).
- ²¹ «Ежели б я был, то б новова шипешку зделали — дай Боже, чтоб пророчество сбылось!» (Петр I — Екатерине Алексеевне. 10 июля 1717 г. // ПРГ. Т. I—II. № 101. С. 73); ср.: № 108. С. 77; Екатерина Алексеевна — Петру I // Там же. № 107. С. 76; ср. также: «...дорогой наш шишечка часто своего дражайшего папа упоминает...» (Там же. № 113. С. 80—81).
- ²² *Татищев В. Н.* Духовная // *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 139.
- ²³ *Михайлов О. Н.* Суворов. М., 1975. С. 153.
- ²⁴ *Панин П. И.* Письмо к императрице Екатерине Алексеевне от 10 окт. 1774 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. VI. С. 164; *Хрущов И.* Милена, вторая жена Державина // Русский вестник. 1903. Т. 283. Кн. 2. С. 557; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // Русские мемуары XVIII в. М., 1988. С. 436.
- ²⁵ *Симоны П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. I. № 618, 1722; Вып. II. № 6435; Сборник пословиц Библиотеки Академии наук // Пословицы, поговорки, загадки в русских сборниках XVIII—XX вв. М., 1961. С. 246. Ср. усиленный вариант той же пословицы: «Большая жена мужу не мила» (*Симоны П. К.* Указ. раб. Вып. II. № 32).
- ²⁶ И обратная характеристика — нездоровой невесты: «маленькая, да тоненькая, да моск-

лявильная». Российский этнографический музей (далее РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 16); «костлявая девка — что тарань рыбка» (*Кузнецов Я. О. Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. Владимир, 1911. С. 39.*)

²⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 4; Д. 977. Л. 5. См. также: Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные П. В. Штейном. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 563.

²⁸ «Если идет тихо („идет — не идет, как кислое молоко везет“) — девушку называют растопчей, невыволокой; когда шибко — значит, расторопная...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 977. Л. 5).

²⁹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 об— 3.

³⁰ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим. СПб., 1871. Т. 2. С. 554—555.*

³¹ *Татищев В. Н. Указ. раб. С. 139.*

³² *Данилов М. В. Записки//Русский архив. СПб., 1883. Кн. 2. С. 34.*

³³ *Скалон С. В. Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнаст)//Исторический вестник. 1891. Т. 44. № 4. С. 614.*

³⁴ *Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. С. 17.*

³⁵ «Смирна, как агнец, делова, как пчела, красна, что райская птица, верна, что горлица» (*Кузнецов Я. Указ. раб. С. 40.*)

³⁶ Даже напротив: в XVIII в. как следствие череды сменивших друг друга «женских правлений» возникло представление о том, что «жены имеют более склонности к самовластью, нежели мужчины...» (*Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Репринт изд. 1858 г. М., 1993. С. 124.*). Ср.: «Женская натура торжествовала над мужскою, как всегда!» (*Аксаков С. Т. Семейная хроника. М., 1982. С. 42.*)

³⁷ *Державин Г. Р. Записки. М., 1860. С. 128.*

³⁸ *Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь//Русские мемуары. С. 202.*

³⁹ См.: *Хрущов И. Указ. раб. Кн. 2. С. 562.*

⁴⁰ «Матушка, неразлучная с батюшкой, всегда находила большое удовольствие разделять труды его в устройстве хозяйства» (*Мордвинова Н. Н. Указ. раб. С. 408.*); «Батюшка, от природы склонный к меланхолии, стал поддаваться горести и... (тогда) матушка поселилась в... помещици с пятью человеками детей. Ума живого и настойчивого, она принялась за новую деятельность, расширяла круг своих познаний, читала, воспитывала детей, предавалась благородному занятию сельским хозяйством...» (*Эдлинг Р. С. Указ. раб. С. 195.*)

⁴¹ *Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти//Русские мемуары. С. 433.*

⁴² *Дмитриев М. А. Указ. раб. С. 432; Берхгольц Ф. В. Указ. раб. С. 70.*

⁴³ *М. Н. Муравьев — отцу Н. А. Муравьеву. 25 сентября 1777 г.//Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 297.*

⁴⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 9; *Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 105.*

⁴⁵ *Глинка С. Н. Указ. раб. С. 240—241.*

⁴⁶ *Николева М. С. Указ. раб. № 10. С. 473—474.*

⁴⁷ *Болтин И. Т. Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 472—473.*

⁴⁸ *Немцова Р. А. Добрая и злая жена по народным картинкам, заключающимся в известном издании сенатора Ровинского//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3.*

⁴⁹ *Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. III. С. 166.*

⁵⁰ Там же. Кн. V. С. 44—46; *Ворогина Т. А. Русский лубок 20—60-х годов XIX века: производство, бытование, тематика. М., 1993.*

⁵¹ Едва ли не первое признание такого рода — в воспоминаниях А. П. Керн (урожд. Полторацкой), через несколько лет после брака принявшей решение жить с мужем отдельно. См.: *Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974. С. 124.*

⁵² Е. И. Головкина, урожд. княжна Ромодановская (1702—1791) — графиня, супруга М. Г. Головкина с 1722 г., статс-дама с 1730 г. Добровольно отправилась в ссылку вслед за мужем, где провела 14 лет до самой его смерти. См.: *Бирон Э. И. Записка//Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России 1725—1825. М., 1991. С. 199, 559.*

⁵³ «...она мне оказала (приехав в полк. — Н. П.) знак примерной привязанности, пренебрегая все опасности в дороге...» (*Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 207.*)

⁵⁴ *Головина В. Н. Записки. СПб., 1900. С. 83.*

⁵⁵ «Жена ответила, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах или в хижине, в Петербурге при дворе или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова...» (*Басаргин Н. В. Указ. раб. С. 34.*)

⁵⁶ *Радищев А. Н. Указ. раб. С. 134.*

⁵⁷ *Басаргин Н. В. Указ. раб. С. 91.*

⁵⁸ *Головина В. Н. Указ. раб. С. 233.*

⁵⁹ *Долгорукова Н. Б. Указ. раб. С. 65.*

⁶⁰ Цит. по: *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 137.

⁶¹ См., например: *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Дашковой. М., 1991. С. 197.

⁶² *Мещерская С. В.* Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской. Тверь. 1902. С. 3.

⁶³ О «зоркой догадливости» женщин, силе их интуиции, о компромиссности их характера как предпосылке умения находить решения в тупиковых жизненных ситуациях, когда у мужчин «леность усыпляет способности, а отчаяние, ближайший сосед уныния, увлекает Бог знает куда и во что», писал, характеризуя свою жену, С. Н. Глинка (*Глинка С. Н.* Указ. раб. С. 243, 311).

⁶⁴ «Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами („женского полу“ — *Н. П.*) овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло...» (*Щербатов М. М.* Сочинения. СПб., 1898. Т. II. С. 151—152).

⁶⁵ *Муравьев М. Н.* Стихотворения/Вступ. статья Л. Н. Кулаковой. Л., 1967. С. 48—49; М. Н. Муравьев — сестре Ф. Н. Муравьевой. 1778 г. (без точной даты) // Письма русских писателей XVIII в. М., 1980. С. 360.

⁶⁶ *Радищев А. Н.* Указ. раб. С. 132.

⁶⁷ *Долгорукова Н. Б.* Указ. раб. С. 47.

⁶⁸ *Глинка С. Н.* Указ. раб. С. 368.

⁶⁹ *Березина Е. Я.* Жизнь моей матери или Судьбы providения // Исторический вестник. 1894. Т. 58. № 12. С. 684 (о своем деде, Я. П. Раткове); *Лотман Ю. М.* Указ. раб. С. 103—123, 180—210.

⁷⁰ См., например: *Глинка С. Н.* Указ. раб. С. 368.

⁷¹ См. подробнее: *Брук Я. В.* Указ. раб. С. 133—134.

⁷² *Долгорукова Н. Б.* Указ. раб. С. 57.

⁷³ Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому. 11 сент. 1818 г. // Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому 1810—1826 гг. СПб., 1897. С. 61.

⁷⁴ «Сие воспитание было:... что не все надо говорить, что думаешь, что верить слишком тем, которые ласкают много, ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе...», «Я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси знать ее, а я хочу любить чистой и непостыдной любовью» (*Лабзина А. Е.* Указ. раб. С. 53, 69—70).

⁷⁵ *Лабзина А. Е.* Указ. раб. С. 77; *Аксаков С. Т.* Указ. раб. С. 140—141.

⁷⁶ *Керн А. П.* Указ. раб. С. 107—108 (о семье соседней по имени).

⁷⁷ *Радищев А. Н.* Указ. раб. С. 211.

⁷⁸ *Аксаков С. Т.* Указ. раб. С. 140.

⁷⁹ Письмо Петра I жене Екатерине Алексеевне 29 января 1708 г. // ПРГ. Т. I—II. С. 3.

⁸⁰ *Вияский Г. С.* Указ. раб. С. 121.

⁸¹ «Они влюбились друг в друга и стали думать, как бы получить возможность удалиться от двора и от своих семейств и предаться взаимной страсти» (*Эдлинг Р. С.* Указ. раб. С. 221).

⁸² *Головина В. Н.* Указ. раб. С. 77.

⁸³ Термин «модная жена» вошел в литературу и обиход вместе с одноименными стихами И. И. Дмитриева в 1794 г. См.: *Кунин В. В., Подольская И. И.* Иван Иванович Дмитриев // Русские мемуары. С. 169.

⁸⁴ *Головина В. Н.* Указ. раб. С. 77—78.

⁸⁵ *Шашков С. С.* Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция // История русской женщины. СПб., 1898. С. 811—824; Русский быт по воспоминаниям современников XVIII в. Ч. 1. М., 1914. С. 73—146. См. также переписку М. А. Волковой и В. И. Ланской 1812 г.: Частные письма 1812 года // Русский архив. Год десятый. М., 1872. Стб. 2372—2435.

¹⁶ «...и весь двор в такое состояние пришел, что каждый почти имел незакрытую любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни от родственников, любовников себе искали. Исчислю ли я тех же, которые не стыдились впадать в такие любострастия?» (*Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Помещичья Россия. М., 1911. С. 26).

⁸⁷ Письма Марты Вильмот 1803—1805 гг. // Записки княгини Е. Р. Дашковой и письма сестер Вильмот из России. М., 1991. С. 283 (о В. А. Небольсине и его жене). «Нужно представить себе семнадцатилетнюю, без памяти влюбленную женщину, с горячей головой, с живым воображением, не ведающую другого счастья как любить и быть любимой, считавшую богатство и почести бременем, совершенно ненужным для счастья и спокойствия», — писала о муже (которого называла «мой обожаемый») Е. Р. Дашкова, в юности оставшаяся вдовой и хранившая память о недолгом супружеском счастье всю жизнь (Записки княгини Е. Р. Дашковой. С. 48).

⁸⁸ *Березина Е. Я.* Указ. раб. С. 684.

⁸⁹ См., например: Евдокия Федоровна Лопухина — Петру I. 1694 г. // ПРГ. Т. III—IV. С. 68—69; Елизавета Аракчеева — графу А. А. Аракчееву 11 фев. 1810 г. // Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. 1807—1829. СПб., 1823. С. 19 (№ 17) и др.

⁹⁰ В XVIII в. многие письма составлялись если не на основе, то с учетом рекомендаций «Письмовника» Н. Г. Курганова (первое издание — 1769 г.), являвшегося «энциклопедией самообразования», в том числе написания писем. См.: *Кирпичников А.* Курганов и его «Письмовник» // Исторический вестник. 1887. № 9; *Тэт У. Ф.* Дружеское письмо как литературный жанр. СПб., 1994 (рец. см.: Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 333).

⁹¹ *Скалон С. В.* Указ. раб. С. 345 («Друг мой Васинька!...»).

⁹² Головина В. Н. Указ. раб. С. 6. Приходится признать неслучайным то, что в дальнейшем тексте воспоминаний Головиной содержится немало подробностей жизни двора, рассуждений о женской дружбе, но мало сказано о семье, детях, муже. Вполне возможно, что она его не слишком любила, но ценила материальный и социальный статус избранника.

⁹³ Тем не менее некоторые письма крестьян и крестьянок друг к другу, относящиеся прежде всего к западносибирскому региону, где было больше «грамотеев», сохранились. См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 123—139.

⁹⁴ Кузнецов Я. О. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910. С. 5; Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Историко-литературный очерк. Воронеж, 1892; Снегирев И. Русские в своих пословицах. Рассуждение и исследование об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831. С. 62.

⁹⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25 (Меленковский уезд Владимирской губ.). Л. 18—24.

⁹⁶ Кузнецов Я. Указ. раб. С. 20—21; Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. Год XIX. М., 1908. С. 116.

⁹⁷ Радищев А. П. Указ. раб. С. 215.

⁹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 732. Д. 1. Л. 78; см. также: Миненко Н. А. Указ. раб. С. 123—139, 197.

⁹⁹ Письма крестьян, найденные Н. А. Миненко. См.: Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее — ТФ ГАГО). Ф. 156. 1797 г. Д. 99. Л. 58—59; Миненко Н. А. Указ. раб. С. 138.

¹⁰⁰ Письмо крестьянки Марьи Кирилловой из д. Атамановой 1795 г. цит. по: Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 108.

¹⁰¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 122—123.

¹⁰² ТФ ГАГО. Ф. 156. Д. 72. Л. 23.

¹⁰³ «Безумный муж жену при людех бьет, а без людей дробит. Бей жену до детей, а детей до гостей...» // Сборник магических и календарно-астрологических памятников и сочинений по физиогномике 1730 г. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. № 2366. Л. 92 об. — 105 об.

¹⁰⁴ Аксаков С. Т. Указ. раб. С. 68—69.

¹⁰⁵ «Через ревность часто у них бывали диспоты, дошедшие до того, что моя мать решила ее оставить!» (Цылов Н. И. Указ. раб. С. 43—44).

¹⁰⁶ «Пишешь ты, якобы, для лекарства, чтоб я не скоро к тебе приезжал, а (дело) делал... знатно сыскала себе ково-нибудь вытнее (здоровее, крепче. — Н. И.) меня... Так-та вы, евины дочки, делаете над стариками!» (Петр I — Екатерине Алексеевне) // ПРГ. Т. I—II С. 18 (19 сент. 1711 г.).

¹⁰⁷ Записки княгини Е. Р. Дашковой... С. 266.

¹⁰⁸ Цылов Н. И. Указ. раб. С. 48.

¹⁰⁹ Вишняков Н. Сведения о купеческом роде Вишняковых. 1762—1847. Ч. II. М., 1905. С. 85.

¹¹⁰ Скалон С. В. Указ. раб. С. 365.

¹¹¹ Янькова Е. П. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений. Записки. Собрание Д. Д. Блогово. М., 1878. С. 369.

¹¹² Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (далее — ОдиД). Т. XI. СПб., 1903. № 163.

¹¹³ ОдиД. Т. XI. № 519; ср.: Т. XIX. № 157; Т. XXIX. № 526; Т. XXXI. № 141, 243; РГИА. Ф. 796. Оп. 79. № 598; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 790. № 59 и др.

¹¹⁴ ОдиД. Т. XI. № 383.

¹¹⁵ ОдиД. Т. XXI. № 90.

¹¹⁶ Скалон С. В. Указ. раб. С. 353.

¹¹⁷ Печерин Ф. П. Указ. раб. С. 596; Аксаков С. Т. Указ. раб. С. 42.

¹¹⁸ Аксаков С. Т. Указ. раб. С. 62.

¹¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXI. № 15379. Ст. VIII—IX.

¹²⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1465. Л. 31; Д. 947. Л. 4.

¹²¹ РЭМ. Архив Всесоюзного Географического общества. Разряд 61. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

¹²² Цит. по: Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 34.

¹²³ См., например: Государственный архив Рязанской обл. Ф. 521. Оп. 1. Д. 4. Л. 47—48; Ф. 545. Оп. 1. Д. 27. Л. 31—32.

¹²⁴ Симои П. К. Указ. раб. Вып. II. № 42; см. также Шаповалова Г. Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1959. Вып. 4. № 53.

¹²⁵ Симои П. К. Указ. раб. Вып. I. № 980.

¹²⁶ Великов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности условий их жизни и быта. Общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск, 1898. С. 107—108.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 629. Оп. 1. Д. 36. Л. 1—21; Ф. 628. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—5 об; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 911. Л. 10—110 об; Д. 320. Л. 35—183; Д. 914. Л. 10—168.

¹²⁸ Цит. по: *Потанин Г. Н.* Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. 1864. Вып. IV. С. 54.

¹²⁹ *Симонов П. К.* Указ. раб. Вып. I. № 300, 1008; Вып. II. № 1201.

¹³⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59 (Шуйский уезд Владимирской губ.). Л. 7 об.

The world of sentiments of a Russian woman in the XVIII century

The author is undertaking an attempt to analyse the changes in the motivations of marriage behaviour among Russian women in XVIII, which followed the process of individualization in the society. It was a period when, at least within the educated social groups, marriages based on personal preferences and intimate sentiments became rather widespread.

N. L. Pushkarieva

© 1996 г. ЭО, № 4

А. В. Сухарев

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

С конца 70-х годов XX в. в зарубежных и отечественных исследованиях отмечается усиление внимания к роли этнических факторов как в общественной жизни, так и в жизни отдельного человека¹. Соответственно можно ожидать, что эти факторы могут в определенной степени обуславливать психические расстройства.

Проблема роли этнических факторов для психической жизни человека изучалась в рамках культуральной и транскультуральной психологии². В отечественных и зарубежных исследованиях рассматривается этническая функция культуры, которая, на наш взгляд, и определяет способ учета этнических факторов во внутриспсихической и социально-психологической сферах. Этническая функция культуры, как известно, может рассматриваться в двух аспектах: этноинтегрирующем и этнодифференцирующем³.

Не вдаваясь в тонкости различий и дефиниций, мы придерживаемся наиболее общего из определений культуры, принятого в отечественной науке. Культура здесь определяется как способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе общественных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, к себе, к другим людям и т. д. В культуре фиксируется качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности — этнических общностей, эпох, этапов развития⁴. Отсюда следует, например, что качественное своеобразие отношения человека к ландшафтам или к собственным биолого-антропологическим особенностям также может иметь этническую функцию (как психическое явление).

Методологически такой «этнофункциональный» подход восходит, с одной стороны, к психо-исторической методологии Э. Эриксона⁵ и к этнометодологии Г. Гарфинкеля⁶, с другой. В отечественной традиции мы рассматриваем этот подход как продолжение культурно-исторических разработок Л. С. Выготского и Р. А. Лурия⁷.

В этнометодологии Г. Гарфинкеля рассматривается структурный аспект